

Вчера братская социалистическая Югославия торжественно отметила свой национальный праздник — День борцов. Ровно четверть века назад, 4 июля 1941 года, Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии приняло историческое решение о вооруженном восстании против оккупантов.

Югославия, вписала в историю борьбы с фашизмом немало подлинно героических и славных страниц. Вместе со всем народом с фашистскими оккупантами отважно сражались и югославские работники культуры — литераторы и актеры, режиссеры и учителя. Об одном из ветеранов минувшей войны, замечательном югославском артисте Любиме Ивановиче мы и рассказываем сегодня.

В ЦЕНТРЕ БЕЛГРАДА высится большое, несколько необычной архитектуры здание из серого гранита. Это Югославский драматический театр. Возле него всегда многолюдно. Остановитесь у театрального подъезда, прислушайтесь к беседе зрителей — и вы непременно услышите:

— Любиме Иванович играет сегодня? О, тогда на спектакль надо пойти...

Любиме Иванович! Имя этого замечательного драматического актера на протяжении многих лет гремит в Югославии. На спектаклях, в которых он участвует, обычно нет свободных мест. В столичном музее театрального искусства можно видеть выставку, посвященную Ивановичу, в театральных училищах и школах будущие артисты изучают его творчество. Словом, большая слава давно стала верным спутником актера. Но всех, кто знает его, он покорила скромностью, душевностью, простотой. Среднего роста, загорелый, смуглый, с сединой на висках, он встречает нас приветливой улыбкой, по всему дому разносит его глубокий бархатный бас.

— Рад, очень рад видеть советского журналиста!

Судьбы людские складываются по-разному, они непохожи друг на друга, но судьба Ивановича особенно интересна. Он родился в небольшом сербском городке Шабац, в семье представителя древней, красивой, редкой теперь профессии — мастера золотого шитья. Среди клиентов отца встречались и руководители театральных трупп, заказывавшие кафтаны, камзолы. — Мальчик с детства слышал вокруг разговоры о театре, об искусстве. Отец мечтал видеть Любиму учителем: в ту пору в Сербии, две трети населения которой не было знакомо с «тайной чтения», само слово «учитель» считалось почти священным. Подчиняясь воле отца, Любима закончил педагогическое училище. После того, как ему уже был вручен диплом, в Шабац приехали на гастроли бел-

градские артисты. Случайно посмотрели они самодельный спектакль, в котором участвовал и Любима, а потом пригласили молодого педагога на чашку традиционного черного кофе.

— Слушайте, Иванович, если вы не придете в театр, вы совершите преступление! — взволнованно сказал Любиме старый актер. — Вы — талант, понимаете? Редкий талант! Бросайте все — ваш путь не школа, но сцена...

«Ваш путь — сцена...». Молодой педагог и сам чувствовал правду этих слов. Не преподавательская деятельность, а театр — вот что понастоящему влекло и волновало его. И Любима решил: отложил в сторону только что полученный диплом, обнял плачущую мать и навсегда покинул родной Шабац. А уже через несколько лет в столице Хорватии Загребе заговорили о молодом талантливом актере, который с исключительным успехом вел в Хорватском народном театре такие трудные роли, как Дмитрий в «Братьях Карамазовых», Васяка Пенел в «На дне», Подколесин в «Женитьбе»...

— Меня всегда привлекала русская драматургия, я не устал восхищаться Горьким, Островским, Гоголем. Толстым. — рассказывает Любима. — Старался следить и за новинками советского театра, что в ту пору было нелегко. Разумеется, подобный «уклон» не остался незамеченным полицией. Перед войной я основал в Белграде театр «Кишобранци», на сцене которого ставились прогрессивные пьесы, открыто высмеивался Гитлер. После этого жандармы занесли меня в список «подрывных лиц». Началась война, архивы белградской жандармерии оказались в руках немецких фашистов. Друзья предупредили: за тобой по следу идет гестапо. Пришлось покинуть Белград. Я уехал в Люблян, оккупированную итальянцами, жил под чужой фамилией, но все же не смог избежать ареста. Три месяца тюрьмы, освобождение «за недостатком улик», месяц свободы и — снова арест... Круг сжимался: оккупанты со дня на день могли

узнать мою настоящую фамилию, узнать, что я связан с движением Сопротивления. Оставался один выход: уходить в горы, к партизанам!.. Он продолжает рассказ, и перед нами открываются странички героической летописи югославского партизанского движения. Это движение было массовым, всенародным: сотни тысяч людей взяли в руки оружие, чтобы бить ненавистного врага. Борьба была тяжелой и трудной, и как важно было после кровопролитного боя, после бесконечного марша по горам и лесным чащобам дать бойцам возможность хорошего, культурного отдыха, поднять их дух, вызвать улыбку на их суровых, обветренных лицах! Этим целям и служил партизанский «Театр народного освобождения», созданный на свободной территории, в боснийском

городке Яйце. Как в мирное время, артисты театра нередко выезжали на гастроли. В этих случаях их вызывали в штаб, говорили: — Вас ждут партизаны Далмации. Патроны и гранаты получите на складе... И члены артистической бригады, перекинув через плечо винтовки, выходили походным маршем в далекий, опасный путь. Сцены оборудовали обычно в деревенском сарае, на сельской площади, нередко сценой служила и просто лесная поляна. Зрители располагались полукругом — сидели, поджав ноги, положив на колени винтовки, готовые в любую минуту принять бой. Да и артисты редко расставались с оружием. После выступления партизанского хора, после огневых плясок участников партизанского ансамбля зрители обычно начинали скандировать: «Лю-би-ша! Лю-би-ша!». На поляну выходил крепкий, плечистый, обожженный солнцем человек в выгоревшей гимнастерке, в краснозвездной пилотке, в пыльных, сбитых на трудных горных дорогах сапогах, с гранатами и пистолетом у пояса — поистине в нем трудно было узнать того изящного, с тростью в руке, молодого человека, который еще несколько лет назад блистал в Загребе как ведущий актер хорватского театра! Время часто меняет многое, время — очень строгий судья. Любима читал бойцам отрывки из «Как закалялась сталь», пел своим необычайно глубоким, бархатным голосом славные партизанские песни, вместе с товарищами артистами показывал отрывки из любимых пьес (наверное, впервые в истории театра гоголевский городничий имел у пояса трофейный итальянский пистолет «беретта» и гранаты «крагуевчанки»).

— В Загребе были режиссеры и актеры, считавшие, что старый театр отжил свой век, увлекавшиеся всякого рода издешними с Западом модернистскими течениями и школами. Каким никчемным показалось все это в горах! Годы боев и походов были для меня годами большой и суровой школы. Я навсегда пришел к тому, во что верил, что ста-

рался отстаивать и прежде: искусство принадлежит народу, оно должно быть близким народу, должно брать в плен его сердце, его душу! Только тогда это — искусство. Все остальное — лишь пустые «измы», демагогия, отход от столбового пути на извилистые боковые тропки...

В октябре 1944 года советские танки вместе с частями Югославской народно-освободительной армии ворвались в Белград. Столица обрела свободу — нато было, не откладывая, строить на руинах, на пожарищах новую жизнь. Одним поручили восстанавливать заводы, фабрики, мосты, другим (и Любима Иванович был, разумеется, в их числе) — возвращать к жизни театры, концертные залы, библиотеки. Зажигательная бомба, попавшая в здание лучшего в Бел-

градских артисты. Случайно посмотрели они самодельный спектакль, в котором участвовал и Любима, а потом пригласили молодого педагога на чашку традиционного черного кофе.

— Слушайте, Иванович, если вы не придете в театр, вы совершите преступление! — взволнованно сказал Любиме старый актер. — Вы — талант, понимаете? Редкий талант! Бросайте все — ваш путь не школа, но сцена...

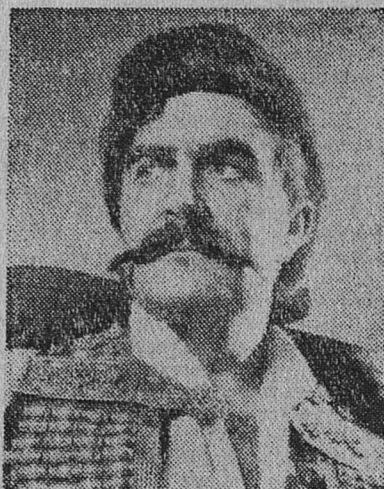
«Ваш путь — сцена...». Молодой педагог и сам чувствовал правду этих слов. Не преподавательская деятельность, а театр — вот что понастоящему влекло и волновало его. И Любима решил: отложил в сторону только что полученный диплом, обнял плачущую мать и навсегда покинул родной Шабац. А уже через несколько лет в столице Хорватии Загребе заговорили о молодом талантливом актере, который с исключительным успехом вел в Хорватском народном театре такие трудные роли, как Дмитрий в «Братьях Карамазовых», Васяка Пенел в «На дне», Подколесин в «Женитьбе»...

— Меня всегда привлекала русская драматургия, я не устал восхищаться Горьким, Островским, Гоголем. Толстым. — рассказывает Любима. — Старался следить и за новинками советского театра, что в ту пору было нелегко. Разумеется, подобный «уклон» не остался незамеченным полицией. Перед войной я основал в Белграде театр «Кишобранци», на сцене которого ставились прогрессивные пьесы, открыто высмеивался Гитлер. После этого жандармы занесли меня в список «подрывных лиц». Началась война, архивы белградской жандармерии оказались в руках немецких фашистов. Друзья предупредили: за тобой по следу идет гестапо. Пришлось покинуть Белград. Я уехал в Люблян, оккупированную итальянцами, жил под чужой фамилией, но все же не смог избежать ареста. Три месяца тюрьмы, освобождение «за недостатком улик», месяц свободы и — снова арест... Круг сжимался: оккупанты со дня на день могли

узнать мою настоящую фамилию, узнать, что я связан с движением Сопротивления. Оставался один выход: уходить в горы, к партизанам!.. Он продолжает рассказ, и перед нами открываются странички героической летописи югославского партизанского движения. Это движение было массовым, всенародным: сотни тысяч людей взяли в руки оружие, чтобы бить ненавистного врага. Борьба была тяжелой и трудной, и как важно было после кровопролитного боя, после бесконечного марша по горам и лесным чащобам дать бойцам возможность хорошего, культурного отдыха, поднять их дух, вызвать улыбку на их суровых, обветренных лицах! Этим целям и служил партизанский «Театр народного освобождения», созданный на свободной территории, в боснийском

городке Яйце. Как в мирное время, артисты театра нередко выезжали на гастроли. В этих случаях их вызывали в штаб, говорили: — Вас ждут партизаны Далмации. Патроны и гранаты получите на складе... И члены артистической бригады, перекинув через плечо винтовки, выходили походным маршем в далекий, опасный путь. Сцены оборудовали обычно в деревенском сарае, на сельской площади, нередко сценой служила и просто лесная поляна. Зрители располагались полукругом — сидели, поджав ноги, положив на колени винтовки, готовые в любую минуту принять бой. Да и артисты редко расставались с оружием. После выступления партизанского хора, после огневых плясок участников партизанского ансамбля зрители обычно начинали скандировать: «Лю-би-ша! Лю-би-ша!». На поляну выходил крепкий, плечистый, обожженный солнцем человек в выгоревшей гимнастерке, в краснозвездной пилотке, в пыльных, сбитых на трудных горных дорогах сапогах, с гранатами и пистолетом у пояса — поистине в нем трудно было узнать того изящного, с тростью в руке, молодого человека, который еще несколько лет назад блистал в Загребе как ведущий актер хорватского театра! Время часто меняет многое, время — очень строгий судья. Любима читал бойцам отрывки из «Как закалялась сталь», пел своим необычайно глубоким, бархатным голосом славные партизанские песни, вместе с товарищами артистами показывал отрывки из любимых пьес (наверное, впервые в истории театра гоголевский городничий имел у пояса трофейный итальянский пистолет «беретта» и гранаты «крагуевчанки»).

— В Загребе были режиссеры и актеры, считавшие, что старый театр отжил свой век, увлекавшиеся всякого рода издешними с Западом модернистскими течениями и школами. Каким никчемным показалось все это в горах! Годы боев и походов были для меня годами большой и суровой школы. Я навсегда пришел к тому, во что верил, что ста-

Любима Иванович в главной роли в драме Д. Якича «Станов Глашав».

граде Народного театра, пробила крышу и вспыхнула в партере — несколько рядов кресел сгорело прежде, чем пламя успели потушить. Сцена, давно не ремонтировавшаяся, двигалась под ногами, как живая. Не было мебели, костюмов. Карабины, винтовки, несколько револьверов, славных партизанскими актерами дирекции театра, — таков был едва ли не весь имевшийся в наличии реквизит. И все-таки театр жил! Каждый вечер полутемный из-за нехватки электричества зрительный зал, где еще сохранился кислый запах термита и горелой кожи, заполняли зрители — бойцы и командиры ЮНА, партизаны, жители столицы. Первой пьесой, которую театр по инициативе Ивановича поставил после освобождения, был гоголевский «Ревизор», и взрывы смеха, перемежавшиеся горячими овациями, сразу показали, что, несмотря на тяготы войны, белградцы не утратили чувства юмора, сохранили столь характерную для них любовь к театру...

— С тех пор прошло более двадцати лет, и эти годы не были потрачены зря! — Любима с минуту молчит, размышляя о чем-то. — Конечно, искусство трудно выразить в цифрах, но иногда и цифры говорят о многом. Ныне в Югославии открыто 55 профессиональных и почти сто любительских театров — это ли не показатель роста, развития нашего театрального искусства. Только в

профессиональных театрах бывает в год в среднем около пяти миллионов зрителей — это ли не свидетельство мастерства режиссеров и артистов! Да, у нас немало трудностей, нерешенных, спорных проблем... Но главное в том, что югославский театр в целом — на подъеме. И это радует!

За сорок лет сценической деятельности Любима Иванович — один из ведущих югославских мастеров сцены, председатель Союза драматических актеров Югославии — сыграл свыше 450 ролей. Его творческий диапазон необычайно широк: с одинаковым блеском и мастерством исполняет он роли Отелло, Фальстафа, Брута, играет в пьесах Достоевского, Толстого, Горького, Нушича, Крлежи, в современных произведениях Леонова, Симонова... В конце минувшего года Ивановичу горячо аплодировали москвичи и ленинградцы: он приезжал на гастроли в СССР с Югославским драматическим театром, участвовал в спектаклях «Откровение Д. Чосича» и «На грани безумия» М. Крлежи. Советская пресса отмечала своеобразную и выразительную манеру игры Ивановича, его подкупающую сценическую искренность, его высокое профессиональное мастерство. Конечно, главный «секрет» сценического успеха Любими — талант, причем талант редкий, неповторимый. Но сам актер, говоря о своей работе, обычно вспоминает и такой эпизод:

— В тридцатые годы в Загребе приезжал на гастроли великий Шалалин. Он с блеском исполнил главную партию в «Борисе Годунове». Публика потребовала повторить спектакль. Утром я, как председатель Хорватского артистического общества, пришел к Шалалину и с удивлением обнаружил, что он репетирует вчера только исполненную партию. Спрашиваю: «Федор Иванович, зачем вам нужна эта репетиция? Ведь вы столько раз выступали в «Годунове», и всегда великолепно...». Он посмотрел на меня, усмехнулся: «Нужна, молодой человек, нужна...». И — серьезно: «Каждый раз, выходя на сцену, артист должен чувствовать себя так, будто он встретился со зрителем впервые. И должен готовиться к этой встрече. Только тогда он — артист...». Это замечательные слова! Как бы ни был даровит актер, он не добьется успеха, если не соединит свой природный дар с трудом — с трудом напряженным, кропотливым, повседневным...

Мы беседовали с Любимой Ивановичем в его белградской квартире. Во время беседы он открыл ящик стола, достал матово поблескивающую итальянскую «беретту» — револьвер словно влился в большую, сильную руку артиста. Это трофейное в жаркой схватке добытое оружие оставлено майору Югославской народной армии Ивановичу как память о былых боях и походах.

— Хороший пистолет, точный бой! — Любима словно взвесил револьвер на ладони. — Но у нас, артистов, было в годы войны и остается сейчас другое оружие, куда более сильное. Это сцена, театр, искусство, которому мы служим. Искусство, открывающее души и покоряющее сердца!

Ю. КОРНИЛОВ.

БЕЛГРАД.